

2. Броня лжи (одинокчество)

Давным-давно жила была несчастная девочка.

Девочка была совсем одна.

Почему-то с рождения девочка была очень уродливая. Все ругали её: уродина, жирдяйка, мерзкая, ком отбросов. Девочка не по своему желанию стала одинокой. Было больно, когда ругают, ей пришлось быть одной.

Когда девочка грустно плакала в углу комнаты, мачеха забеспокоилась и спросила:

“Что случилось?”

Рыдая, девочка ответила:

“Все... надо мной... издеваются.”

“Ты же не сделала ничего плохого, не обращай внимание на тех, кто над тобой издевается.”

“Но все издеваются надо мной.”

“Если будешь плакать, то только порадуешь тех, кто над тобой издевается. Сохраняй спокойное лицо.”

“Но я совсем не спокойна.”

“Сохраняй уверенность. Ты не плохая. Это они плохие. Надо быть сильной. Иначе проиграешь этим глупым дуракам.”

Обычно мачеха спрашивала девочку:

“Ты говоришь, что все над тобой издеваются, но конкретно кто с кем? Что говорят, что делают? Попробуй сказать мне. Как их зовут? Что они говорили? Расскажи подробно.”

Девочка, путаясь и запинаясь, объясняла мачехе, кто сказал то, кто сделал это, кто заставлял то, из-за кого получилось это. И каждый раз мачеха говорила:

“Ты не такая толстая как говорят, поэтому отвечай им, что ты не жирная.”

Или:

“Так мерзко ведут себя только трусы. Если тебя действительно ранят, то обязательно скажи мне. Я буду жаловаться.”

Или:

“Посмотри в зеркало. Разве ты уродливая? Ну нет же. Но если бояться и смотреть только вниз, внешность любого человек будет нехорошая. Выпрями спину и смотри вперед.”

Такими словами она подбадривала девочку.

Девочка понимала, что мачеха права, а она поступает неправильно. Мачеха всегда права. А ещё сильно переживает и заботится о девочке, которую не рожала.

Как хорошо если бы я могла делать так, как говорит мачеха? Однако, хоть я и не очень толстая, но и не худая. То, что меня сторонятся, не так больно как если бы били или пинали, и менее хлопотно, как если бы отнимали или ломали вещи. Однако, грустно.

Девочку волновало, что может её лицо и не настолько уродливо, чтобы тошнило от первого взгляда на него, но совсем не похоже на лицо мачехи, считаемой красавицей. Всюду недостатки. Стоит ли вообще показываться людям? Глаза, в отличии от мачехи, какие-то странные, нос тоже выглядит не хорошо. По сравнению с мачехой, губы кажутся маленькими. В отличии от гладких щёк мачехи мои слишком сильно выпирают, а на круглый подбородок смотреть больно. Пробовала отращивать волосы, чтобы скрыть недостатки, но их не скрыть. Постоянно смотрю вниз.

К тому же, даже если бы девочка объяснила, что и почему, то мачеха бы не поняла. Мачеха ответит что-то вроде:

“Ты слишком сильно думаешь об этом”

Или:

“Идеального не существует. Несовершенство становится красивой. Небольшой недостаток – это наоборот индивидуальность.”

Или:

“В любом случае, разок попробуй делать как я говорю.”

И мачеха будет права.

Девочка понимала, что мачеха думает о ней, считает, что баловать не пойдёт на пользу, и иногда, хоть и наверное тяжело было говорить, но говорила строгие вещи. Подчиняться такой мачехе это лучшее решение.

Однако, девочка отличается от мачехи. Мачехе она никогда это не скажет, но она не её настоящая мать, и вообще, они не похожи. Естественно, что и она не похожа. Есть то, на что люди способны и то, на что нет. То, что может мачеха, девочка не может. Может это и есть индивидуальность человека?

Давным-давно жила-была девочка и была она одинока.

Но девочка не считала, что быть одной одинокой это хорошо. Она не любила одиночество и по-своему старалась.

Пристально наблюдала за лицами людей. Необходимо знать, что чувствуют окружающие, о чём они думают, над чем размышляют. Надо во что бы то ни стало следить, чтобы окружающие не возненавидели. Воздерживаться от всего что можно и пытаться не выделяться. Если буду идти ровно с гордо выпрямленной грудью, то могут подумать, чего это эта жирная уродина делает, или споткнусь обо что-то. А споткнувшись наверняка засмеют, а если засмеют, то заплачу, если заплачу, то будут считать раздражающей. Ничего хорошего в этом нет.

“Что посеешь, то и пожнёшь” - было любимое выражение матери.

“Пустив на самотёк, разговаривать с людьми не научишься. Если не можешь изменить человека, придётся измениться самой. А раз придётся измениться, то надо прилагать усилия,

чтобы измениться ещё сильнее.”

И как всегда, мачеха права. У меня нет ни сил, ни прав менять людей. Поэтому нужно измениться самой. Совершенно верно.

Хочу стать такой как мачеха. Красивой, величественной, прилежной, заботливой, умной, с золотыми руками, всё может, к тому же старательная, никогда не говорит лишнего, её все любят. Хочу стать таким же прекрасным человеком.

Если бы я только могла.

Аа, однако, в конце концов, это было несбыточное желание. Слезы.

Слезы.

Слезы.

Слезы. Слезы.

Слезы. Слезы.

Сверкающие слёзы.

Нет ничего хорошего. Слезы девочки блестят и сверкают.

К удивлению, слёзы, текущие ручьями от грязной и уродливой девочки, были очень красивыми.

Блестят и сверкают. Слезы, без остановки текущие с девочки, ярко блестят.

Девочка идёт, рассыпая блестящие слёзы.

Сверкающие слёзы стекают по телу уродливой девочки и окутывают её блеском. Обволакивая и пряча гротескную девочку. В отличии от грязной лжи слёзы ярко сверкают.

Да.

Девочка врала. Врала много-премного.

Хочу стать другой я, а не жалкой я.

Пожелав это, девочка стала врать. Хочу стать блестящей.

Попробовала радостно ярко поздороваться. На меня стали смотреть с удивлением.

Когда люди радостно смеются, девочка тоже попробовала посмеяться. Раздался нелепо смешной смех.

Когда все в кого-то начинают кидать камни, девочка тоже берет камешки и кидает. Камешки маленькие, поэтому можно. Наверняка не попаду, а если попаду, то будет не больно, больно не будет.

Когда девочка с важным видом сидела в блистательной позе, на неё издалека смотрели восторженным взглядом как на принцессу. Подходили аккуратно и когда девочка обращалась,

были вне себя от радости.

Когда люди что-то говорили, девочка кивала, да-да. А в душе думала: что за бред, отбросы, дерьмо, но ни в коем случае не показывала это на лице.

Желая блистать и сверкать еще больше, девочка смело отстригла длинные-предлинные волосы.

“Ого, здорово. Тебе идёт.”

В глазах похвалившей мачехи девочка не упустила, как на мгновение промелькнула жалость. Грудь, ответившей спасибо девочки, того гляди разорвётся на части. Прости что я не твоя кровная дочка и такая уродливая. Ты красивая и права. Всегда ярко сияешь и блистишь, и ставишь меня в затруднительное положение.

Я ненавижу тебя.

Конечно же, девочка не сказала это. А с улыбкой радостно ответила: “Правда? Как хорошо.”. Мачеха наверное думает, какая несчастная и усердная девочка.

Аа, какая я несчастная. Слезы. Слезы. Сверкающие слёзы.

Всё всегда заканчивается слезами. Никто не понимает моих чувств. Слезы блестят.

Я иду и плачу. Всё сверкают и сверкают. Блестят и блестят.

Мои слёзы текут и текут, и накапливаются. Блестят и блестят, украшая всё вокруг. Слезы, сверкающие слёзы.

Мне не нужно ничего что не блестит. Не хочу это видеть.

Вот бы все превратились в блестяшки.

Что-то неожиданно капнуло на щеку. Дождик что ли? Посмотрела вверх.

Надо мной как сеть развернулись лавандового цвета ветки и листья дерева. Словно зонтик.

Однако дождик капает с этих веток и листьев.

Лаймово-желтые капли дождя кап-кап, кап-кап, кап-кап. Это не дождь. Наверняка это какие-то грязные нечистоты. Аа, грязные. Отвратительно.

Хоп - я взмахнула вверх руками. И тогда скопившиеся слёзы разом взлетели и стали сверкать и клубиться. Блестят слёзы, слёзы блестят и блестят. Водоворот слез делает нечистоты красивыми. Блёстки сверкая прилипают к веткам, с хрустом и скрипом изгибая и вдавливаясь в них, хрум-хрум.

Остаются только слёзы. Блестящие и сверкающие слёзы падают кап-кап.

Ветви и листья лавандового цвета исчезли, показалось небо в горошек. Небо тоже хочу сделать красивым. Однако, до неба сверкающие слёзы не достают. Слёзы. Слёзы. Слёзы.

Я иду, проливая слёзы.

Стоят деревья лавандового цвета с ветками и листьями тоже лавандового цвета. Раздражают. Сильно раздражают. В груди слышу их шелест.

Я подула. Слёзы, о слёзы, летите. Блестящие слёзы летите. Блеск-блеск, хрум-хрум, скрип-скрип, бам-бам.

За исчезнувшими деревьями кто-то прятался сжавшись и став маленьким, сидя на корточках. Уже больше негде прятаться.

“Дерьмо, попался!” - прокричал этот кто-то. Голос был слишком громким. В груди зазвенело. Тяжело, тяжело. Зачем ты издеваешься надо мной? Почему? Зачем?

“Ээээээааааааииииииааааааэээээээааааа...”

Плачу и плачу. Слёз течет всё больше и больше. Взмахнула обоими руками, сверкающие слёзы, летите. Сверкающие, блестящие - летите.

“Уо! Опять это!?”

Этот кто-то со свистом замахал большой катаной. И вдруг поднялся сильный ветер, сдувая сверкающие слёзы. Это раздражает и нервирует. Я плачу и плачу. Потекли слёзы. Они блестят и сверкают.

“Говорю же, прекрати, Шихору-сан! Так меня не победить! Ты ведь должна знать! Что толку, если будешь повторять это!” - сказал кто-то, словно знает девочку.

Знает?

“Аа...” - произнесла девочка.

Точно. Я помню.

Девочка знает этого кого-то.

“Кузак-кук?”

“Ну да... Забыла меня, Шихору-сан?”

“Э-хе-хе.”

“Не смешно. Правда странно, Шихору-сан...”

“Странно? Я? Странная?”

А в это время, слёзы, всё ещё текут и стекают блестящими каплями. Всё текут и текут, и не кончаются. Может это странно?

Может это я стала странной?

В таком случае, как давно я стала странной?

Странно.

“Чего смеёшься, Шихору-сан?”

Сказал мальчик. Да, этот кто-то, это мальчик. Здоровенный с великолепным телом. Девочка знает этого мальчика. Кузак-кун.

Кузак-кун любил одну девочку. Конечно же не меня, а другую девочку. Та девочка была с великолепной фигурой, красивая, очень красивая, да так, что ахаешь от зависти. К тому же, она не гордилась и не докучала этим, была доброй и прекрасной девочкой. Хе-хе. В груди шум. Хе-хе. Хе-хе.

Точно. Вот как оно было. Не только Кузак-кун, но и Харухиро-кун тоже очень любил её. Ещё бы. Прекрасную девочку все любят, даже если она молчит. Ценят и лелеют. Ничего удивительного. Это естественно. Никто не виноват. Хе-хе. Никто не виноват. Хе-хе. Хе-хе.

“Шихору...сан?” - обратился этот кто-то.

Девочка смотрит на небо в горошек.

Как давно этот рассказ перемешался?

Девочка просто хотела, чтобы с ней поступали по-доброму. Хотела, чтобы её ценили. Были ласковыми. Хвалили. Успокаивали. Обнимали, баловали. Только и всего. Неужели это настолько сложно?

Да, это невероятно сложно.

Ведь я не красивая, толстая, глупая, мрачная, лживая, к тому же, я не могу стараться ради себя, ради тебя или всех я ещё могу стараться, нет, это ложь, чистая ложь, сплошная ложь, не так, на самом деле я хочу, чтобы меня признали, хвалили, заботились, ценили, хочу награду, свою собственную награду, нестерпимо, это всё ради этого.

Давным-давно жила-была до жалости уродливая девочка.

Девочка и сейчас уродливая.

И всегда, отныне и впредь, девочка будет уродлива.

Эта повесть с самого начала была кривой.

Всё потому, что девочка, главная героиня повести, чрезвычайно уродливая. Поэтому эта повесть кривая.

“Шихору-сан.”

Этот кто-то снова обратился.

Когда оторвала взгляд от неба и посмотрела, мальчик-верзила, держа в руках большую катану, стоит так близко, что может дотянуться если вытянет руки.

“Чего?”

Когда девочка спросила, мальчик отвернул голову вниз.

“Ну... Как бы сказать. Мы же товарищи.”

“Товарищи.”

“Ну да? Как это. Как бы вместе прошли через горе и радости. И не как бы, а на самом деле прошли это. Что случилось?.. Точнее, что ты чувствуешь и о чём думаешь? Не знаю. Однако ты явно страдаешь. Может ты это... Объяснишь? Если я выслушаю может ничего и не измениться. Нет! Я это, как бы, возможно смогу помочь...”

“Тогда, обними меня.”

“Э!”

Мальчик издал испуганный голос и вылупив глаза посмотрел на девочку. Взгляд мальчика, практически не задерживаясь на лице девочки, проследовал до груди, после чего отвернулся в сторону. Всё-таки, им самое главное сиськи, сиськи и только сиськи. Мальчики смотрят только на сиськи девочек. Думают, что девочки не замечают? Очевидно же, что замечают. Получается, словно девочки, это придаток к сиськам. Думают, что если будут так относиться к девочкам, то не ранят их? Если к вам будут относиться как к придатку к члену, вам это понравится? Очевидно же, это сильно ранит?

“Ну...это...как бы...”

Мальчик что-то бормочет.

Девочка улыбочиво посмеялась.

“Всё в порядке. Это шутка.”

“А, вот как. Ш, шутка? Еще бы. Ты же не всерьез хотела этого. Просто было неожиданно. Растерялся. Это как бы, наверное не стоит и говорить, однако не то, что ты не в моём вкусе, просто мы товарищи. Да. Тут как бы правила...”

В груди колет. Тяжело. Тяжелооо. Слёзы, сверкают. Слёзы. Слёзы. Слёзы.

“Всё равно.”

“Э?”

“Мне всё равно.”

“Ва...”

Мальчик в спешке отпрыгнул. Потому что к его ногам приближались слёзы девочки. Блестят и сверкают. Слёзы. Слёзы. Море слёз, сверкает, быстро расширяясь.

“Шихору-сан!”

Мальчик хотел замахнуться катаной, но заколебался.

Глупый, мальчик дурак.

Не хотел спасать девочку, а хотел прогнать словами, обёрнутыми в оболочку доброты.

В груди колет. Слёзы блестят. Исчезни. Исчезни.

Девочка проворно взмахнула руками. Скопившиеся сверкающие слёзы со звоном поднялись, стали бурно кружиться и полетели на мальчика.

“У...”

Мальчик уже не успеет. Бесполезно что-либо пробовать. Не убежать. Не отпущу. Глупый, несчастный мальчик. Несчастливая уродливая девочка прольет ещё больше блестящих слёз. Слёзы блестят и сверкают.

“Тонуля!” *

“Да, госпожа Ио!”

В этот момент вдруг неожиданно раздался незнакомый голос. Произошло невероятное. Перед мальчиком, которого буквально в следующий момент поглотит водоворот блестящих слёз, влез мужчина ещё толще уродливой девочки.

Этот мужчина что-то держал в руках. Это было маленькое зеркало с ручкой. Наверное ручное зеркальце.

Толстый мужчина присел перед мальчиком-верзилой, и зеркальная поверхность ручного зеркала мгновенно увеличилась, спрятав даже высокого мальчика. Что за зеркало. Зеркало отразило сияние слёз. Яркая вспышка заполонила всё вокруг.

“Хи...”

Девочка подумала, что глаза лопнули. Было настолько ярко.

“Аа, ааааа.”

Глаза открыла, а все белым-бело. Не выглядит белым, а ничего не видно. Глаза болят, больно, больно, больно. Села на корточки, закрыла лицо руками, больно, больно, и ничего с болью не поделаться. А сверкающие слезы всё текут и текут. И не останавливаются. Или же они никогда не остановятся.

Через некоторое время стали видны контуры вещей. Почувствовала облегчение.

Нет.

Никого нет.

Потёрла глаза, поморгала и убедилась. Действительно никого нет.

Вокруг никого.

Несчастливая уродливая девочка осталась одна.

* Тонуля – уменьшительное ласкательное от слова «тонна». Используется в качестве клички/имени.

<http://tl.rulate.ru/book/94792/3415674>